

ЮБИЛЕЙ КОЛЛЕГИ

Осипов Игорь Дмитриевич –

доктор философских наук, профессор.

Родился 26 апреля 1948 г. во Львове. По окончании философского факультета Ленинградского государственного университета (1973 г.) в течение десяти лет работал на кафедре философии Завода-втуза при Ленинградском Металлическом заводе. В 1985 г. стал доцентом, а в 2002 г. – профессором Санкт-Петербургского государственного университета. Кандидатская диссертация была написана на тему «Критика В. И. Лениным веховской концепции культу-

ры» (1978 г.), а докторская диссертация – на тему «Философские основания русского либерализма XIX – начала XX вв.» (1999 г.). Специализируется в области русской философии политики и права, истории политико-правовой культуры России. Читает на факультете философии и политологии основные курсы: «История русской политической мысли», «Политическая история идей в России», «История конфликтологии в России», спецкурсы: «Философия права в России», «Политико-правовая культура в России», «Культура российского предпринимательства», «Философия права», а также курс «История русской философии» на филологическом факультете СПбГУ. Автор более 200 научных публикаций. Член диссертационного Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности «Политология» на факультете философии и политологии СПбГУ.

Основные работы:

- Социология истории Н.И. Кареева // Российская социология. – СПб., 1993. С. 35–43.
- Проблема общественного идеала в русском либерализме // Вестник СПбГУ. Серия 6. 1993. Вып. 3 (№ 20). С. 27–30.
- Русская политология: обзор основных направлений. Учебное пособие. (Соавт.: А. Ф. Замалеев). – СПб., 1994. – 208 с.
- Философия права в России // Введение в русскую философию. Учебное пособие. – М., 1995. С. 273–285.
- Философия русского либерализма. – СПб., 1996. – 192 с.
- Философия права М. М. Ковалевского в контексте историко-сравнительного метода // М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли. – СПб., 1996. С. 112–118.
- Либеральная парадигма русской философии // Вестник СПбГУ. Серия 6. 1997. Вып. 1 (№ 6). С. 21–25.
- Онтологический реализм русской философии // Философия реализма: из истории русской мысли. – СПб., 1997. С. 37–49.
- Соборность и либерализм в контексте русской философии права // Вестник СПбГУ. Серия 6. 1997. Вып. 3 (№ 20). С. 49–51.
- Два взгляда на социологию: О. Конт и Б. Чичерин // О. Конт. К 200-летию со дня рождения. – СПб., 1998. С. 180–190.
- Б. Н. Чичерин. Философия права / Сост., вступ. статья, комм. – СПб., Наука, 1998. – 654 с.
- Философия права в СПбГУ // Вече. Альманах русской философии и культуры. 1998. № 2. С. 183–194.
- Проблема нравственно-правового разума в русской философии // Вестник СПбГУ. Серия 6. 1999. Вып. 4 (№ 27). С. 43–51.
- Русская идея и правовой разум // Русская и европейская философия: пути схождения. – СПб., 1999. С. 270–276.
- Философия либерализма в России // Антология русской философии. В 3 т. Т. 1. – СПб., 2000. С. 252–267.
- Философия права. Конспект лекций. – СПб., 2000. – 60 с.
- Категория соборности в политической философии славянофильства // Русская философия. Новые исследования и материалы. – СПб., 2001. С. 208–214.
- Философия политики М. М. Сперанского. – СПб., 2002. – 52 с.
- М. М. Сперанский. Руководство к познанию законов / Отв. ред. – СПб., Наука, 2002. – 678 с.
- Философия права в Петербурге // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). – СПб., 2003. С. 237–248.
- Европейское правосознание в контексте русской философии // Философский век. История философии как философия. Ч. 2. – СПб., 2003. С. 29–37.
- Правовая парадигма постсоветской идеологии // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2003. № 15. С. 23–33.

- Социальная философия В. С. Соловьева // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В. С. Соловьева. – СПб., 2003. С. 216–231.
- Русская культурология. Часть 1. Культура российского самоуправления. Учебное пособие. (Соавт.: М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова). – СПб., 2003. – 201 с.
- Поборник свободы и права (Б. Н. Чичерин и социально-философская мысль России второй половины XIX в.). – Тамбов, 2003. (Соавт.: А.С. Кокорев, Н. М. Аверин, И. И. Булычев, В. А. Каримов, С. А. Туманова). – 160 с.
- Политическая культурология А. С. Данилевского // Историческая наука и методология истории в России XX века. – СПб., 2003. С. 247–257.
- Философия хозяйства С. Н. Булгакова // Вестник СПбГУ. Серия 6. № 2. 2004.
- Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. – СПб., 2004. С. 106–118.
- Философия права И. А. Ильина // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2004. № 16. С. 61–71.
- Русская культурология. Ч. 2. Политическая культура России. Учебное пособие. (Соавт.: М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова, Г. В. Стельмашук). – СПб., 2004. – 202 с.
- Теоретические основания критицизма А. И. Введенского. – СПб., 2004. – 54 с.
- Историко-философские основания либерально-консервативного синтеза в России // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России. – СПб., 2005. С. 88–105.
- Историология западничества: Т. Н. Грановский // Фигуры истории или «общие места» историографии. – СПб., С. 130–142.
- Александр Иванович Введенский и его философская эпоха. Материалы международной научной конференции / Председатель редколлегии. – СПб., 2006. – 336 с.
- Геософия культуры евразийства // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2006. № 17. С. 97–114.
- Власть и предпринимательство в России: историко-культурный аспект взаимоотношений // Формирование системы цивилизованного лоббизма в России. – СПб., 2006. С. 87–100.
- Právni ideal v postsovettske politologii // Clovek. Dejiny. Hodnoty. – Ostrava, 2007. С. 210–215.
- Моральная антропология А. И. Введенского // Мир философии – мир человека. – М., 2007. С. 45–56.
- История государственно-административных идей в России // Государственная политика и управление. Учебное пособие. В 2 ч. Ч. 2. – М., 2007. С. 389–399.

- История политических и правовых учений в России. Учебное пособие. (Соавт.: М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова, Ю. А. Козлов). – СПб., 2007. – 190 с.
- Философия права в России. Теоретические принципы и нравственные основания. Материалы международной научной конференции / Соредактор с В. Ю. Перовым. – СПб., 2007. – 204 с.
- Парадигма хозяйства в философии российского консерватизма // Введение в проблематику российского консерватизма. – СПб., 2007. С. 316–330.
- Социологические взгляды В. П. Тугаринова // Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века. Российская социология. Вып. 4. 2008. С. 322–336.
- Антитеза закона и благодати в антропологии права Б. П. Выше-славцева // Вестник СПбГУ. Серия 6. Вып. 2. 2008. С. 44–50.

И. Д. Осипов

ПРОБЛЕМА НАРОДНОСТИ НАУКИ В ПОЛЕМИКЕ СЛАВЯНОФИЛОВ И ЗАПАДНИКОВ¹

Проблема соотношения народного, национального и общечеловеческого в познании является одной из принципиальных в русской философии XIX столетия. В ней отразились актуальные для России вопросы формирования духовной культуры и развития национального самосознания. Особую значимость эти вопросы получили в спорах западников и славянофилов, стремившихся выработать новый духовный и социокультурный идеал российского общества, преодолеть несовершенство культуры и государственности. А. И. Герцен писал: «У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус, или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно»². Poleмика славянофилов и западников изучена достаточно полно, вместе с тем, в исследованиях не затронут важный вопрос о народности науки, который обсуждался видными представителями обеих партий. Данный аспект полемики имеет особое значение для понимания роли и значе-

¹ Печатается при поддержке гранта РГНФ № 0703-0047 (а).

² Герцен А.И. Не наши // Герцен А.И. Избр. филос. произв. В 2 т. Т. 2. – М., 1946. С. 232.

ния методологии гуманитарного познания в контексте формирования национального самосознания российской интеллигенции.

Следует отметить, что несколько раньше, в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева был поставлен вопрос о своеобразии религиозных оснований философских культур России и Европы. Специфика философского познания в России стала предметом статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». На основе анализа культурогенеза России и Европы – влияния античности и христианства, формирования государства и особенностей хозяйственно-правовых отношений он пришел к выводу о культурных различиях процесса познания. Согласно Киреевскому, «западный человек не понимает той живой совокупности высших умственных сил, где ни одна не движется без сочувствия другой; то равновесие внутренней жизни, которое отличает даже самые наружные движения человека, воспитанного в обычных преданиях православного мира»¹. Раздвоение и цельность, рассудочность и разумность – «последние выражения западноевропейской и древнерусской образованности». Философ характеризует мышление западного человека как «отрицательное» и полагает, что в России должно быть «самостоятельное любомудрие», в котором православная вера и знание едины, то есть существует цельное знание. Идеал цельного знания станет ключевым в последующих рассуждениях славянофилов по проблеме народности в науке.

Однако отметим, что не все славянофилы безоговорочно согласились с Киреевским. Так, А. С. Хомяков выступил против идеализации Древней Руси и суждения о том, что «христианское учение выражалось в чистоте и полноте во всем объеме общественного и частного быта древнерусского». Согласно Хомякову, такая похвала «уж слишком непомерна для земли, которую князья не только беспрестанно губили своими междоусобиями, но еще без стыда и совести опустошали ее мечом, огнем, разбоем союзников, магометан и язычников»². Критически оценил некоторые положения статьи Киреевского и И. С. Аксаков. Тем не менее, идея цельного знания была конкретизирована в статье Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии». Так что можно считать, что некоторые идейные предпосылки дискуссии о народности в науке были намечены еще до ее начала.

¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. С. 274.

² Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Изд. 2. Т. 1. – М., 1978. С. 213–214.

Полемика же начинается статьей Ю. Ф. Самарина «Два слова о народности в науке» (1856). В ней развернута критика существующей и утвердившейся в науке концепции исторического и социального познания, базирующейся на парадигмах рационализма и универсальной истины. Самарин высказывает сомнение в реальности идеала беспристрастной гуманитарной науки, созданного, по его мнению, приверженцами европейской образованности, и утверждает, что история, политэкономия, логика и филология всегда имеют особую авторскую позицию. «Мнимая беспристрастность, общечеловечность и отрицательная свобода их воззрений в сущности есть бессознательность»¹, – пишет он. Осознанная позиция исследователя-гуманитария обусловлена единством духовной сущности человека – мышления, воли, чувства. В этом процессе «воля придает мысли постоянство», а сочувствие «согревает мысль и вооружает ее безошибочностью духовного инстинкта, угадывающего в исторических явлениях едва проявленные движения человеческой души». Самарин замечает, что познание сродни инстинкту, усматривающему в истории нечто такое, что недоступно логической рассудочности. В истории нет логической формулы, а существуют живой быт «свежего народа» и мысль, «воспитанная в сочувствии с ним», которая возводит его в степень понятия и переносит из действительности в область науки как понятие, как закон. Только такое народное знание целостно, имеет положительный характер и является «живым».

Самарин полагает, что исследование связано с постановкой цели и формулированием идеала. При этом положительное мышление исходит из оптимизма в отношении предмета исследования, то есть общества и культуры. В ходе исследования, согласно Самарину, не следует скрывать общественные недостатки, но вместе с тем исследователю необходимо сосредоточить свое внимание на том, что может полнее раскрыть сущность народа, выявив позитивные стороны его бытия. Самарин поясняет свою мысль, конкретизируя понятие народности науки, и указывает, что она проявляется в религиозных и политических воззрениях ученого благодаря той духовной и социальной среде, в которой он воспитан. «Можно ли отрицать, что русскому, потому что он русский, и в той мере, в какой он русский, дух нашей истории, мотивы нашей поэзии, весь ход и все настроение народной жизни откроется яснее и полнее, чем французу, хотя бы последний овладел вполне рус-

¹ Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Избр. произв. – М., 1996. С. 488.

ским языком и такой массой материалов, какой никогда не располагал русский ученый?»¹ – спрашивает он. Самарин отмечает, что ценностные ориентации ученого неизбежно влияют на выбор предмета исследования и на достоверность его результатов. В этом контексте и религиозные убеждения ученого могут стать важной предпосылкой позитивного познания: верующий разум способен глубже понять общество. Таким образом, смысл концепции народности в гуманитарной науке состоит в понимании того, что единство «мысли познающей с мыслью исторической» является существенным условием постижения внутреннего смысла и причин, вызвавших исторические и социальные события. Самостоятельность в познании позволяет ученому избежать ошибок.

К. С. Аксаков также отстаивает идею народности науки и полагает, что выдумывать особое народное сознание не нужно: «Народное воззрение есть самостоятельное воззрение народа, при котором только и возможно постижение общей всечеловеческой истины»². Генезис народного воззрения происходит «через освобождение от чужого умственного авторитета, через убеждение в необходимости и праве своей самостоятельности»³. Аксаков заключает, что необходима интеллектуальная эмансипация отечественной науки в процессе обретения ее народности.

При этом Самарин и Аксаков стремятся избежать упреков в культурном изоляционизме и признают существование универсальной мировой науки. Однако, по их мнению, она является совокупным результатом достижений национальных наук. «Мы приходим к убеждению, что именно народность мысли, определяя как бы специальное ее назначение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания»⁴. Тем самым народность становится важным фактором углубления и расширения научного познания в мире. И «живой» процесс усвоения чужой образованности предполагает наличие развитого народного сознания, требует «надежного закала испытующей мысли в живой струе народной жизни».

«Народность есть больше, чем объект для мысли; сама мысль должна получать от нее свое образование: ибо как в истории общечеловеческие начала проявляются не иначе как в

¹ Там же С. 490.

² Аксаков К.С. Еще несколько слов о русском воззрении // Аксаков К.С. Литературная критика. – М., 1981. С. 204.

³ Там же. С. 205.

⁴ Там же. С. 490.

народной среде, так и в области науки мысль возводит эти начала в сознание через ту же народную среду»¹. В этом процессе культурного совершенствования и научного прогресса народа идейное заимствование возможно и даже необходимо. Однако при отсутствии самостоятельного культурного мировоззрения ученого, оно может привести лишь к подражательности. Напротив, «при обилии понятий, почерпнутых из народной жизни, при богатстве внутреннего содержания, никогда пользование чужими трудами не поработит мысли»². По существу, здесь говорится о необходимости критической позиции исследователя к общественным и историко-культурным фактам и внутренней свободе ученого, поскольку последняя тесно связана с наукой. «Когда вы согласитесь с другими самостоятельно, вы не подчиняетесь им и не перестаете быть самостоятельны»³, — пишет Аксаков.

В этом же контексте Самарин утверждает, что возможные национальные односторонности в науке можно выявить и исправить исследованиями незаинтересованной группы ученых. В частности, в спорах католиков и протестантов таким третейским судьей в научных спорах может выступить «примиряющая мысль» православного мыслителя, и он будет ближе к истине не благодаря силе ума, а потому, что воспитывался в иной духовной среде. Объективность русского ученого может способствовать решению дискуссионных проблем западной науки: об отношении личной и общественной свободы, оценки значения крупной и мелкой собственности в обществе. Тем самым народность познания выступает условием приближения к истине, что доказывает преимущество русской науки ввиду ее относительной молодости. В статьях Самарина и Аксакова аргументируется, что культурный и аксиологический контекст гуманитарного познания имеет как позитивный, так и отрицательный смысл для науки. Он позитивен, когда ученый самостоятелен в процессе познания и опирается на положительную оценку общества, в котором он живет; отрицателен же, если ученый проявляет нигилизм в отношении общества как предмету исследования: в этом случае он не способен адекватно постичь свой народ, его историю и культуру.

Ответом на позицию славянофилов была статья западника Б. Н. Чичерина «О народности в науке», опубликованная в журнале «Русский вестник» в мае 1856 г. Согласно Чичерину,

¹ Там же. С. 493.

² Там же. С. 492.

³ Аксаков К.С. Еще несколько слов о русском воззрении. — С. 202.

особой нужды в народном мировоззрении для науки нет. «Для уразумения исторических явлений, как бы они далеки ни были от нас, нужна только живая любовь к предмету да развитие познавательных способностей, разумеется, при достаточном количестве данных. Народы, обладающие тем и другим, глубже постигнут внутреннюю жизнь чуждых им народов, нежели те, у которых есть с последними ближайшее сродство»¹. Целью науки является познание истины, а оно предполагает отсутствие заинтересованности со стороны познающего субъекта, требует отрешения от субъективных, партийных, религиозных и национальных пристрастий исследователя. «Куда бы мы не обратились, – пишет Чичерин, – везде народность в науке представится нам синонимом исключительности, односторонности, а поэтому лжи: в первом случае вследствие слишком сильного пристрастия к своему народу или к той и другой стороне современной его жизни, во втором – вследствие того, что мы становимся на точку зрения, пристрастную для того, чтобы быть беспристрастными»². Чичерин считает правомерным обращение к изучению собственного национального быта и истории, но замечает, что это еще не означает народного воззрения. Историю своего народа необходимо разрабатывать объективно; ученый должен, если он дорожит истиной, воздерживаться от возвеличивания своей Родины за счет других народов. Вообще, без изучения всемирной истории не может быть понято никакое национальное развитие.

Вместе с тем, согласно Чичерину, в науке может выражаться субъективная позиция исследователя, но она должна базироваться на объективных законах развития общества, которые отличны от религиозных убеждений человека. И в этой связи Чичерин критикует Самарина, который «смешивает религиозные воззрения с народными». Развивая свою мысль далее, он отмечает, что для достижения истины необходим объективный судья. «Ученый должен знать, что ученая работа тогда только получит настоящую цену, когда обсудят ее посторонние люди, когда другие народы признают выработанное им воззрение за несомненную истину»³. Критерий познания – только объективное знание, основанное на умозрении и опыте без идеологических допущений и спекулятивных предположений. «Факт и закон – вот вся наука, вот вся ее задача. Закон уже заключается в факте; последний есть произведение перво-

¹ Чичерин Б.Н. О народности в науке // Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 261–262.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 263.

го»¹. В процессе исторической критики или опыта случайное отделяется от постоянного и определяется внутренняя связь явлений. В частных законах проявляются общие законы общества и природы. Чичерин подчеркивает, что между законами существует внутренняя связь и преемство, то есть существует логический порядок, который не позволяет навязывать одной науке законы, выработанные в другой науке.

Чичерин, как и славянофилы, исходит из идеала цельного знания, однако для него оно допускает только один вид субъективности исследователя: его страсть к познанию истины. Познание целостно, поскольку основано на самостоятельной мыслительной деятельности человека, и проверяется оно индивидуальным и общечеловеческим опытом, а также достижениями мировой науки. Разум и свобода человека находятся в единстве, поэтому исключительно важна независимость ученого от всяких ложных авторитетов и предубеждений. Целью познания является открытие законов, которые имеют всемирный характер, так как добываются всем сообществом ученых: разум един, следовательно, истина также едина. Субъектом познания является все человечество, и каждый народ имеет право на научную истину.

Вместе с тем, каждый народ может внести свой вклад в общее научное достояние. Согласно Чичерину, народы различным образом развивали науку. Так, материалистическая философия создавалась в XVIII в. французами, спекулятивная же философия развивалась немецкими мыслителями, а англичане внесли свою лепту в формирование меркантилизма. Однако народ вносит в науку не особые народные начала, а только «мыслительную способность», склонность к тому или иному способу познания. «Когда наука в своем развитии вырабатывает те стороны единой истины, в познании которых может проявиться способность известного народа, тогда народ совершает свое дело и становится деятелем в истории человечества»². Национальная специфика науки скорее случайна, нежели закономерна; только общечеловеческое в науке вечно. В целом, национальная специфика науки является некоторой границей в духовном прогрессе народа и преодолевается им в процессе достижения научных результатов, имеющих всемирное значение. Высказывая свое мнение по проблеме взаимовлияния научных культур, Чичерин полагает, что заимствование в науке неизбежно, поскольку оно способствует развитию националь-

¹ Там же. С. 265.

² Там же. С. 268.

ной науки, и настаивает на необходимости ознакомления русского общества с мировой наукой: «Если мы... хотим призвать народ к просвещению, к науке, мы не должны твердить ему: будь своеобразен, выработай свои воззрения, отличные от других, держись своих народных начал и на основании их осуждай все остальные»¹.

Возражением Чичерину и развитием некоторых исходных положений была статья Самарина «Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина» (1857), в которой он уточняет суть «отрицательного» подхода в науке. Согласно Самарину, труды Чичерина базируются, главным образом, на изучении юридических источников, то есть на формальной и абстрактной истории. Для изучения же содержательной и реальной истории народа необходимо привлечь широкий круг культурных источников, к которым относятся летописи, сочинения иностранцев о России, народные песни, сказки, церковная литература, поговорки, современный быт. «Вопросы, возбуждаемые г. Чичериным, сами по себе так широки, что едва ли можно надеяться разрешить их, не захватив всех сфер народной жизни и, следовательно, всех ее проявлений»², – пишет он. В этой связи Самарин утверждает, что специализированная наука, в защиту которой выступает Чичерин, ранее отсутствовала. В прошлом «все существовало во всем»: психология, религиозные убеждения, нормы права, экономика, быт тесно переплетались и, следовательно, исследование прошлого должно иметь комплексный характер. Народность науки состоит в том, что ее основой выступает народное самопознание, имеющее духовную и психологическую подоплеку. «Ведь убеждения, представления, даже предрассудки целых народов – такие же факты, такой же исторический материал, как и грамота, выданная одним лицом другому, или происшествие, совершившееся в таком-то году и таком-то месте»³. И Самарин на некоторых примерах раскрывает ограниченность методологии науки, не учитывающей культурные источники. Особый интерес в этой связи вызывает замечание Самарина по поводу обычного права, которое, по его мнению, в прошлом оказывало существенное воздействие на общество и продолжает оказывать это влияние. Он считает, что односторонность доводов Чичерина состоит «в неправильном обобщении частного, в принятии одной стороны за целое».

¹ Там же. С. 268.

² Самарин Ю.Ф. Указ. соч. С. 495.

³ Там же. С. 597.

Согласно Самарину, во многом «отрицательное воззрение» имеет объективную предпосылку и не исходит из ангажированности ученого, его «намеренности». Данная система взглядов «определяется не столько по тем данным, которые в ней есть, сколько по тем, которых в ней нет и которым по субъективным убеждениям, изучающих ее, следовало в ней быть»¹. В «отрицательном воззрении» зачастую присутствует стремление интеллигенции некритически перенести категории культуры других народов в русскую культуру, тем самым фактически отождествляя различные культуры. Так, вполне правомерное сравнительное исследование может исказиться и придти к неверным выводам. Причина эта лежит в том числе и в «неспособности угадать своеобразность народной жизни и уловить в ней те духовные побуждения, в которых сперва бессознательно обнаруживаются предрасположения народа к его историческому призванию»², – пишет Самарин.

Дискуссия была продолжена в статьях Чичерина в «Русском вестнике» (1856. Т. 5. № 17) и в журнале «Атеней» (1858. № 5). Опубликована была также статья Самарина «О народном образовании» в «Русской беседе» (1856. Кн. 2). Однако основные концептуальные идеи были уже высказаны.

В заключение отметим, что полемика славянофилов и западников отражала некоторые реальные проблемы развития отечественной науки. Западниками и славянофилами был осознан относительно недостаточный уровень развития науки и предложены два подхода к исправлению ситуации. Славянофилы призывали преодолеть чрезмерный пиетет перед западной наукой и «страх противоречить ее авторитету»³. Славянофилы также обратили внимание на аксиологические основания научного познания, без которых было невозможно адекватное понимание истории и культуры. Резонным было и представление славянофилов о комплексных предпосылках формирования гуманитарной науки, которые включают традиционное сознание, культурные и бытовые артефакты.

Западники же, в свою очередь, исходили из универсальности научного знания. Чичерин призывал преодолеть отмеченные славянофилами психологические комплексы русской науки, стоящие на пути расширения знакомства с достижениями других народов, приобщения к мировой науке. Русским ученым надо было упорно учиться ввиду отсутствия собственной

¹ Там же. С. 501.

² Там же. С. 507.

³ Аксаков К.С. Еще несколько слов о русском воззрении. С. 202.

развитой научной культуры. Идеалом научной культуры Чичерин считал сообщество ученых, независимое от власти и церкви.

Позиции сторон в тот период не могли быть сближены. В какой-то мере это сближение осуществилось через тридцать лет в концепции Н. И. Кареева, который констатировал: «Итак, господа, вы видите, что наше историческое воспитание не позволяет нам коснуться на какой-нибудь односторонней точке зрения: оно сделало нас особенно способными к усвоению чужих идей, приучило черпать идейный материал отовсюду, заставляет нас совершать синтез разнообразных точек зрения, а вместе с тем приводит к исканию более широкого понимания общественной роли науки, которое устраняло бы занятие наукой только из-за мимолетной злобы дня или ученого любопытства, ставя ему целями жизнь и знание»¹. Суждение одного из крупнейших русских историков и социологов в определенной мере преодолевает теоретические и мировоззренческие расхождения славянофилов и западников при сохранении ценных сторон их концепций.

¹ Кареев Н.И. О духе русской науки // Русская идея. – М., 1992. С. 181–182.